

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК**

125009, МОСКВА, МОХОВАЯ УЛ., 11-3
ТЕЛ.: +7(495)692-10-51/629-45-07
E-MAIL: europe@ieras.ru
WWW.INSTITUTE OF EUROPE.RU

**INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES**

125009, MOSCOW, MOKHOVAYA ST., 11-3
TEL.: +7(495)692-10-51/629-45-07
E-MAIL: europe-ins@mail.ru
WWW.INSTITUTE OF EUROPE.RU

**Статья в журнале «Аналитические записки Института Европы РАН»
(Выпуск II) № 17, 2025 (№ 385)**

**Первое правительственное заявление Ф. Мерца:
самолегитимация и мобилизация**

В.Б. Белов

Аннотация. В статье анализируется первое правительственное заявление нового федерального канцлера Германии. Автор рассматривает речь Ф. Мерца 14 мая 2025 года в бундестаге как акт политической самолегитимации и попытку задать новые векторы германской внешней и внутренней политики. Очевиден переход главы чёрно-красной коалиции от посткризисного реагирования к риторике «силы, ответственности и локомотивности» ФРГ в европейском и трансатлантическом контексте. Особое внимание уделено внешнеполитическим сигналам Берлина США, Британии, ЕС и его государствам, Китаю, России; институциональным новациям (Совет национальной безопасности, реформа бундесвера); экономической трансформации и новой миграционной парадигме. Автор делает вывод, что РФ перестает быть субъектом германской внешней политики и трансформируется в фон постоянной угрозы. Правительственное заявление может быть как дорожной картой мобилизации, так и тестом на пределы дееспособности нового кабинета министров.

Ключевые слова: Германия, США, ЕС, НАТО, Британия, Китай, Россия, Фридрих Мерц, правительственное заявление, внешняя и внутренняя политика, конкурентоспособность, стратегическая автономия, миграционная парадигма, политическое лидерство.

Автор. Владислав Борисович Белов – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, член дирекции Института Европы РАН, руководитель Отдела страновых исследований и Центра германских исследований ИЕ РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: belov@instituteofeurope.ru.

DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics21620255360> EDN: <https://www.elibrary.ru/RUIKSM>

Материал подготовлен в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР № FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

Политический акт самолегитимации в зеркале угроз и ожиданий

14 мая 2025 года – через неделю после второго тура парламентского голосования и официального начала канцлерства – Фридрих Мерц выступил с первым официальным правительственным заявлением¹. Оно стало не просто данью традиционному ритуалу, но и политическим актом самолегитимации. За ним стоит очевидный расчёт канцлера: в момент, когда коалиция ХДС/ХСС и СДПГ лишь начинает обретать контуры управляемости, он старается перехватить инициативу, обратившись одновременно к немецкой нации, её элитам и внешним партнёрам. Выступление стало своего рода «доктринальной речью о восстановлении» после «упадка» трёх лет «светофорной» коалиции, в которой просматриваются амбиции «исторического масштаба».

Мерц хочет быть не столько технократом-управленцем, сколько политическим архитектором, сплачивающим общество через возврат к национальной субъектности, ответственности и экономическому росту. В его риторике доминирует посыл: «германское» возможно только как «ответственное» и «сильное». Это центральная мысль заявления, которое канцлер неслучайно назвал тем же именем, что и коалиционный договор – «Ответственность за Германию» (*Verantwortung für Deutschland*). Позиционирование нового правительства происходит на фоне «внешнего давления» и «внутренней разбалансированности», и каждый вектор политики (внешний, военный, экономический, миграционный, социальный) оформляется в логике ответа на поликризисы и угрозы.

Особую роль играет тезис о «великом и сильном государстве», способном преодолеть трудности из собственной силы (*aus eigener Kraft*). Это риторический и содержательный маркер, обращённый как к внутренним аудиториям (политикам, бизнесу, обществу), так и к внешним наблюдателям – от Лондона, Парижа и Варшавы до Вашингтона и Пекина.

Показательно, что «фактор России» оказался постоянным фоном всей речи, иногда явным, но чаще – структурирующим. РФ не только обозначается как отдельная тема, но и постоянно вплетается в ткань обоснований почти каждого приоритета: от обороны и безопасности до цифровой устойчивости и реформ миграционной политики. Речь Мерца не предлагает стратегию по отношению к Москве. В ней системно диалог заменяется на диагноз, а партнёрство – на перманентную оборону.

Таким образом, текст выступления канцлера следует читать не только как план действий правительства, но и как попытку переопределить парадигму управления: через возвращение к политике силы, к немецкой локомотивности в ЕС и НАТО, а также к чётко очерченной иерархии угроз. Это декларация наступления – но с риском, что она окажется картой ожиданий, если риторический напор не будет обеспечен институциональным содержанием.

¹ См.: Erste Regierungserklärung „Verantwortung für Deutschland“. Bundesregierung. 14.05.2025. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/erste-regierungserklaerung-kanzler-merz-2347354>; Eine Woche nach dem Start stellt Bundeskanzler Friedrich Merz sein Regierungsprogramm vor. Die ganze Rede im Wortlaut. Focus. 14.05.2025. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/in-voller-laenge-die-regierungserklaerung-von-friedrich-merz-im-wortlaut_19a1db1d-574c-49ca-a231-21436ee3da3c.html (дата обращения: 15.05.2025)

Внешнеполитический блок: «Возвращение Европы» и переформатирование партнерств

Внешнеполитическая часть выступления подчинена чёткой логике: Германия возвращается как силовой и концептуальный центр Европы, берёт на себя «больше ответственности» в НАТО и ЕС, отказывается от «нейтральности» и политики самоустранения, и одновременно строит новую систему приоритетов и партнёрств. Эта логика оформляется не через тезисы о «мире и диалоге», а через мобилизующие образы: противостояние угрозам, защиту свободного мира, борьбу за миропорядок.

Говоря об усилении ответственности, Мерц, в первую очередь, имеет в виду *реконфигурацию европейского лидерства немецкого государства*. В этом отношении символический смысл приобретает география его первых внешних визитов: Париж, Варшава, Брюссель, Киев. Эти четыре столицы формируют новую топографию внешнеполитической активации Германии. Франция представлена как партнёр по «перезапуску» тандемных отношений, а Польша как признанный центр восточноевропейской политики, особенно её балтийского вектора. Впервые канцлер придаёт Варшаве столь высокий статус уже в свой первый полноценный рабочий день. Это жест, адресованный не только полякам, но и всей восточной дуге ЕС, ожидающей жёсткости и предсказуемости от Берлина.

В Брюсселе Мерц заявил о «новой надёжности» Германии, одновременно критикуя практику голосований по ключевым европейским вопросам. Очевидно его стремление восстановить образ ФРГ как инициативного и ответственного актора ЕС, готового активно участвовать в определении основных векторов развития европейской интеграции. Наконец, поездка в Киев вместе с лидерами Франции, Британии и Польши символизирует коллективный ответ на «угрозы Москвы» и одновременно подчёркивает переход Берлина к логике фронтального блокового сдерживания. Украина здесь не объект помощи, а линия обороны Европы как «цивилизационного проекта».

Отдельного внимания заслуживает *трансатлантический сюжет*, а именно упоминание двух телефонных разговоров с Дональдом Трампом, причём с позитивной интерпретацией его позиции по «украинскому перемирию». Здесь Мерц демонстрирует прагматизм, в котором он не исключает возможности манёвров в рамках евроавтономизма («стратегическая автономия без элементов автономии»).

В отношении *Китая* речь шла об определённом отходе от триады к дуализму: *системный соперник и экономический партнёр*. Прозвучало чёткое намерение сократить односторонние зависимости (стратегическая де-рискификация), защитить правила торговли и усилить давление на Пекин в вопросе «российско-украинского конфликта». При этом подчёркнуто значение Поднебесной в глобальных цепочках – здесь Берлин не готов к политике изоляции. Элементы системы «двойного трека» – жёсткая дипломатия и экономическая селективность – подтверждаются обозначенным канцлером вектором на укрепление партнёрств в Индо-Тихоокеанском регионе.

Отдельно отметим, что Мерц обозначил *готовность сохранить многие институциональные инициативы эпохи Шольца* (G20, средиземноморское и африканское направление), но встраивая их в чёрно-красную оборонную и миграционную повестку. Например, Африка теперь не столько «континент будущего», сколько важный фронт в борьбе с миграционным давлением и конкурентной экспансией Китая. Индия, Индонезия, Япония названы приоритетными направлениями, но акцент смещается на свободную транспортную навигацию и логистическую стабильность. Тем самым, внешнеэкономическая стратегия становится компонентом безопасности.

Мерц ни разу не упомянул о возможности переговоров с Россией, не было намёков на «диалог». Фактически он встроил Москву в риторическую матрицу угроз: в речи звучали такие слова, как «саботаж, дестабилизация, пропаганда, теневая флотилия, цифровая война». В понимании канцлера РФ – *это теперь не партнёр, а структурная угроза европейскому порядку*. Концептуально Россия изолируется и демонтируется как субъект отношений, превращаясь в фактор «континентального санитарного кордона» (в понимании «стратегической периметризации») (см. далее раздел по РФ).

Внутриполитическая повестка: реформы как инструмент восстановления государственности

Внутриполитический раздел заявления демонстрирует амбиции правительства по проведению необходимых преобразований – от налогообложения и инфраструктуры до социальной политики и миграции. За масштабом сделанных предложений стоит единая идеологическая рамка: восстановление дееспособности государства, производственного потенциала экономики и общественного доверия. Германия, по Мерцу, не нуждается в новых ценностях или проектах преобразования общества – она нуждается в возвращении к порядку, эффективности и социальной интеграции через труд и ответственность.

Экономический диагноз, который ставит Мерц, предельно прямолинеен. Основными проблемами немецкого хозяйственного штандорта являются излишнее регулирование, бюрократия, инфраструктурный износ, высокая налоговая нагрузка и стоимость энергии. Именно они снизили конкурентоспособность экономики ФРГ и привели к затяжной рецессии. Более того, промышленный спад, известные проблемы в автопроме, химии, машиностроении – это не циклический сбой, а индикатор системного кризиса рамочных условий. Поэтому необходимы масштабные реформы, в основе которых принцип «инвестируй и реформируй» (*Investieren und Reformieren*). Среди его ключевых инструментов: налоговые стимулы для инвестиций в модернизацию (до 30% списаний в течение трёх лет); поэтапное снижение корпоративного налога с 2028 года (на 5 процентных пунктов); инвестиционная программа на 12 лет с федеральным пакетом в 150 млрд евро; ставка на привлечение частного капитала с финансовых рынков.

Принципиально важно возвращение дигитальной, транспортной и прочей материальной инфраструктуры к статусу «локомотива развития» (дороги, школы, научные центры, цифровая государственность и пр.). В этих целях образовано Федеральное министерство

цифровизации и модернизации, одна из важнейших задач которого – обеспечение прорыва в сфере электронных услуг.

Привлекательность хозяйственно-политического пространства ФРГ призваны повысить меры в рамках «Повестки высоких технологий» (*Hightech-Agenda*), Закона о свободе инноваций, создания платформы для регистрации стартапов за 24 часа, стимулирования биотехнологий, искусственного интеллекта, термоядерной энергетики. Речь идет не о господдержке в классическом смысле, а об «освобождении предпринимательской инициативы из пут регулятивного давления» и возвращении к логике «экономического чуда» – ставка на частный капитал и инновацию как главный ресурс развития.

Один из самых жёстких разделов заявления посвящен миграционной политике. ФРГ остаётся страной иммиграции, но надо переходить к упорядочиванию и рестрикции, включая отказ от программ добровольного приёма, приостановку воссоединения семей для лиц с субсидиарной защитой, начало депортаций в Сирию и Афганистан, усиление пограничного контроля. Здесь вновь прослеживается сквозная логика – управляемость, предсказуемость, пропорциональность. Риторика гуманности отступает перед дискурсом «ответственной миграции в интересах Германии», в том числе знание языка, самозанятость, отсутствие зависимости от госбюджета. Мерц также затронул ряд вопросов социальной, пенсионной, жилищной, сельскохозяйственной политики.

Оборонный вектор: институционализация «права на силу»

Оборонная повестка в речи Ф. Мерца заняла не просто центральное, а концептуально-определяющее место. Впервые со времён Гельмута Коля укрепление бундесвера и реиндустриализация ВПК представлены как ключ к восстановлению роли Германии в Европе и мире. В своей формуле «мы должны уметь защищаться, чтобы не приходилось защищаться» канцлер предлагает возврат к доктрине сдерживания (*Abschreckung*), на которой следует выстраивать новый фундамент всей внешней и внутренней политики. Он декларирует готовность повысить военные расходы². Это не просто реакция на войну в Украине, это долгосрочная коррекция роли Германии – переход от роли «сдержанного партнёра» к полноценному европейскому «военному столпу» (*militärisches Rückgrat Europas*). В этом контексте бундесвер должен стать «самой сильной армией Европы», что означает не только модернизацию вооружений, но и рост численности военнослужащих

² Это положение конкретизировал новый министр иностранных дел Й. Вайдефуль на встрече 15 мая 2025 г. с коллегами из стран НАТО в Турции. Он заявил о поддержке предложения Д. Трампа повысить госрасходы на оборону до уровня 5% от ВВП, подчеркнув, что это также включает сферы НИОКР, логистики, цифровой безопасности и ряд гражданских отраслей промышленности. В бюджете Федерального министерства обороны на 2025 г. уже предусмотрены суммы в размере 3,5% от ВВП. Каждый процент означает 45 млрд евро. См.: Was Wadephul mit seiner 5-Prozent-Forderung bezweckt. Wirtschaftswoche. 15.05.2025. URL: <https://www.wiwo.de/politik/johann-wadephul-was-hinter-der-5-prozent-forderung-unseres-neuen-aussenministers-steckt/100128556.html>; Nato-Beitrag: Wadephul für Trump-Vorschlag. ZDF. 15.05.2025. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/deutschland/wadephul-verteidigung-wehretat-100.html> (дата обращения: 15.05.2025)

(*personeller Aufwuchs*)³. Новшеством становится введение «привлекательной добровольной военной службы» (*attraktiver Freiwilligendienst*). Оно адресовано молодому поколению как элемент его гражданской ответственности. Речь идёт не о возврате обязательного призыва, а о формировании новых форматных рамок гражданско-военной солидарности.

Канцлер пообещал институционализировать военную промышленную политику: обеспечить стабильные контракты, ускорить процедуры закупок, снять регулятивные барьеры. Это уже не кризисное реагирование, а ставка на полноценную реиндустриализацию ВПК (*Rüstungswirtschaft*), интегрированного в общеевропейскую военно-производственную цепочку. Германия готова позиционировать себя как технологический хаб для всего блока НАТО и ЕС.

Ключевым институциональным новшеством стал анонс давно ожидаемого создания Национального совета безопасности, в который войдут не только федеральные органы, но и представители федеральных земель. Это сигнал об окончательной гибридизации угроз: теперь безопасность – не только дело внешней политики, но и внутренняя компетенция, связанная с киберсферой, миграцией, саботажем, пропагандой и т.д. Совет должен стать оперативным центром управления в кризисных ситуациях. Фактически – это аналог «нацштаба» с элементами прогнозирования и планирования.

Отношение к России: от диалога к стратегическому забвению⁴

Как уже было упомянуто, РФ в речи Ф. Мерца не обозначена ключевым направлением внешней политики. Это имеет принципиальное значение: Москва больше не воспринимается Берлином как переговорный субъект. В заявлении нет обращения к Кремлю, нет сценариев диалога, нет формул, позволяющих оставить дипломатическую возможность открытой. Россия теперь *не партнёр, а поле угроз*, не объект урегулирования, а источник перманентной нестабильности. Образ российского государства формируется через устойчивое повторение мотивов: «покушение на европейский порядок», «три года ежедневных убийств женщин, детей, солдат» на Украине, «травля, кибератаки и саботаж» на территории ФРГ и других стран ЕС. Канцлер подчёркивает, что жертвы и сами россияне, придавая антирежимную окраску своей позиции. Далее он полностью смещает фокус на угрозы внутренней безопасности ФРГ: «травли и убийства в европейских столицах, в том числе в Берлине», «физическое уничтожение кабельных сетей и цифровой и прочей инфраструктуры», «пропаганда и дезинформация», «саботажные действия и отравления», «шпионаж и диверсии», «присутствие российских агентов в немецком обществе». Таким образом, он последовательно формирует образ РФ не как европейского государства, а как «многослойного агента подрыва» – внутриевропейского и трансграничного.

³ Речь идёт об институциональных, численных и кадровых изменениях, о не о концептуально-доктринальных реформах бундсвера, которые проводило правительство О. Шольца в 2022 году.

⁴ См. также: Белов В.Б. Российский вектор внешней политики правительства Фридриха Мерца // Аналитические записки Института Европы РАН. (Выпуск II) № 15, 2025 (№ 383). С. 37-44. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics21520253744>

Нигде в речи не предлагается возвращение к *Ostpolitik* – даже в трансформированном виде. Всё, что связано с РФ, растворено в логике обороны, сдерживания и предотвращения распада. Фраза Мерца «мы не воюем, но и не являемся нейтральной стороной» (*Wir sind nicht Kriegspartei, aber auch keine neutralen Dritten*) оформляет новую позицию официального Берлина: не как арбитра или медиатора, а как участника «фронта демократии». Украина не узел дипломатических проблем, она «форпост правопорядка».

Немецкий концепт «диктата мира» (*Diktatfrieden*) отвергается принципиально. Мир «по-немецки» возможен только на условиях Украины и Запада. Возможность заморозки конфликта допускается лишь как тактический перерыв (*Waffenruhe*). Но и в этом случае Россия рассматривается не как контрагент, а как объект совместного сдерживания.

Поэтому закономерно выдвинуть предположение, что речь Мерца свидетельствует о стратегической установке Берлина на «забывание» России в качестве структурного направления внешней политики. Это означает отказ от модели сдерживания и вовлечения (*constraintment and engagement*) и переход к модели изоляции и вытеснения. Теперь Россия – это функция угрозы, она нужна не как партнёр, а как легитиматор новых политик и институтов (Нацсовет безопасности, увеличение военных расходов и пр.).

Выводы

Речь Фридриха Мерца в бундестаге 14 мая 2025 года – это гораздо больше, чем программное заявление главы правительства. Это акт символического переформатирования германской политики как внутренней, так и внешней. Он предлагает не просто новые меры. Это новая политическая рамка, в которой центральным становится возвращение к силе, ответственности и организованной форме государственности. Образ Германии как «локомотива», способного вновь вести за собой Европу, встраивается в логику обороны, экономического роста и эффективного госконтроля.

Мерц не обещает трансформацию – он обещает восстановление конкурентоспособности, субъектности, обороноспособности, доверия. В этом контексте речь вполне может рассматриваться как декларация институционального, концептуального, политико-культурного наступления. Однако возникает естественный вопрос: насколько эти амбиции соответствуют возможностям? С точки зрения соответствия коалиционному договору, можно утверждать, что многие заявленные инициативы представлены с акцентом на компромисс и адаптацию – особенно в социальной политике и инфраструктурных реформах. Это говорит в пользу прагматизма новой коалиции, но также свидетельствует о внутренних противоречиях, которые, возможно, станут фактором замедления реформ. Относительно реалистичности предложенного следует признать высокий уровень детализации и управленческой логики. Однако суммарный объём заявленных реформ – от налогов и ВПК до миграции и цифровизации – вполне может оказаться трудно реализуемым в условиях ограниченных ресурсов, внутривластного сопротивления и замедления роста. Германия в ближайшие годы может столкнуться с дефицитом не только финансов

(несмотря на смягчение долгового тормоза), но и исполнительных возможностей – от дефицита кадров до институциональной дисфункциональности.

В отношении перспектив восприятия новых внешнеполитических и внутренних программных установок чёрно-красного правительства можно ожидать, что в Париже и Варшаве речь будет воспринята как сигнал восстановления германского лидерства, но лишь в той мере, в какой Берлин готов делиться этим лидерством. В Вашингтоне речь Мерца может укрепить доверие к Германии как силовому столпу, но при этом усилит ожидания последующих реальных действий. В Пекине последует сдержанная реакция: тон речи жёстче, чем при Шольце, но без намёков на стратегический разрыв.

Для России послание однозначно: никакого диалога, никакой новой *Ostpolitik*. Сигнал достаточно ясен: времена «мостов» и формул дипломатического сдерживания прошли. Германия рассматривает РФ как источник угрозы и не планирует возвращаться к партнёрству – ни на уровне государств, ни на уровне концептов. Единственным непрямым остаётся вопрос: сможет ли Россия вернуться в германскую внешнюю политику хотя бы как объект «разведки будущего», или же стратегическое забвение станет новым консенсусом.

Дата выпуска: 16 мая 2025 года.

The First Government Statement of Friedrich Merz: Self-Legitimation and Mobilization

Author: *Vladislav Belov*, Candidate of Science (Economics), Leading Researcher, Deputy Director for Research, Head of the Department of Country Studies and the Center for German Studies, Institute of 59 Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. E-mail: belov@instituteofeurope.ru

Abstract: *This article analyzes the first government statement of Germany's new Federal Chancellor, Friedrich Merz. The author interprets Merz's speech, delivered on 14 May 2025 in the Bundestag, as an act of political self-legitimation and attempt to define a new trajectory for both Germany's foreign and domestic policies. The speech clearly marks a shift by the head of the black-red coalition from post-crisis responsiveness to the rhetoric of strength, responsibility, and locomotive leadership of the Federal Republic in the European and transatlantic context. Special attention is paid to Berlin's foreign policy signals directed at the United States, United Kingdom, European Union and its member states, China, and Russia; to institutional innovations (National Security Council, Bundeswehr reform); to economic transformation; and to a new migration paradigm. The author argues that Russia is no longer treated as a subject of German foreign policy but is instead reframed as a constant background threat. The government statement functions both as a roadmap for mobilization and as a stress test for the new Cabinet's institutional capacity.*

Keywords: *Germany, United States, European Union, NATO, United Kingdom, China, Russia, Friedrich Merz, government statement, foreign and domestic policy, competitiveness, strategic autonomy, migration paradigm, political leadership*

DOI: <https://doi.org/10.15211/analytics21620255360> EDN: <https://www.elibrary.ru/RUIKSM>

<http://www.zapiski-ieran.ru>

Release date: May 16, 2025.